

ПРОТОТИПИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Мы считаем необходимым предварить наши рассуждения о механизме прототипизации и его роли в создании идеологических конструкций цитатой отечественного когнитивиста Н.Н. Болдырева: „Прототипические элементы когнитивных категорий обладают наибольшим количеством характеристик, общих с другими членами данной категории, и наименьшим количеством признаков, характерных для членов других категорий. Соответственно прототипические элементы категорий максимально отличаются от прототипических элементов других категорий. Непрототипические элементы имеют лишь некоторое число характеристик, общих с другими элементами данной категории, и обнаруживают целый ряд признаков, свойственных и другим категориям. Это также говорит о том, что категориальные границы носят неопределенный характер”, и далее: „...с когнитивной точки зрения классификация объекта по степени определенности их очертаний не столь важна... Гораздо важнее то, что все типы конкретных предметов и явлений концептуализируются в нашем сознании как прототипические категории, границы которых не являются строго очерченными” [Болдырев, 2001, 79-80].

Данный пример иллюстрирует квинтэссенцию последних исследований в области когнитивной лингвистики, когнитивной семантики и психологии познания. Распространенное в этих областях знания определение прототипа как концепта распознавания категории (причем, ее содержания, а не ее границы) будет использоваться нами как рабочее определение прототипа.

Прототипическое выделение того или иного представителя группы объектов делает его значимым, ценностно-нагруженным, определяя его фон (его „родную” категорию) как благодатную почву для формирования той или иной ценности (Возможным и важным представляется сравнение механизма прототипизации с основными идеями парадигмальной теории А. Франка, демифологизирующей евроцентристский дискурс, механизм создания мифа евроцивилизационнизма, евроцентристскую социальную теорию, „модерновые” позиции глобальной экономики и т.д. [Frank, 2001]). Так, политика Ближнего Востока с момента выделения в ней типичного представителя (Саддама Хусейна) и наделением его определенными чертами (жестокость, корыстность, тоталитарность, нетолерантность) будет обладать сущностью, которая, во-первых, воспринимается как *принципиально* отличная от политики других регионов, во-вторых, несет в себе черты „главного героя”, в-третьих, возможно объясняется по-

нием „главного героя”. Результат процесса прототипизации является формирование таких утверждений, как „Саддам Хусейн — это политика Ближнего Востока” вместо искомого „Политика Ближнего Востока — это, например, Саддам Хусейн”.

Таким образом, один из механизмов идеологизации, создания сверхценностной сферы, т.е. механизм прототипизации предполагает следующие этапы:

1) выделение в когниции фреймов („Ближний Восток — это нефть, ислам, Саддам Хусейн”); 2) наделение одного из фреймов качеством типичности („Ближний Восток — это нефть, ислам и особенно Саддам Хусейн”); 3) замещение типичным фреймом всей когниции („Саддам Хусейн — это Ближний Восток, нефть, ислам”).

Подобная подмена понятий представляет собой трансформацию знания. Обращая внимание на типичность тех или иных фреймов, идеология несколько изменяет наше представление о всей группе объектов. Знание о вырубке берез (прототип категории „деревья”) в России будет, скорее всего, оценено как результат катастрофического состояния дел в области охраны леса, в то время как знание о вырубке тополей может иметь различные модификации *интерпретации* („регуляция численности деревьев”, „борьба с тополиным пухом”, „катастрофическое состояние дел в области охраны леса” и т.д.).

Итак, в приведенном примере мы сталкиваемся с возможностью *оценки* или *интерпретации* какого-либо объекта. Укажем на необходимость введения такой бинарной оппозиции. „Если высказывание содержит смысл, значит должен быть способ понимания его, и это самое высказывание имеет смысл, поскольку говорящий предлагает его таковым, поэтому необходимо постараться найти способ понять его” [Мосник, 1997, 141]. Понимание может быть рассмотрено в русле герменевтики как „процесс и результат реконструирования творческого процесса создания высказывания, закрепленного в тексте” [Кашин, 2000, 26]. Интерпретация же предполагает *относительное* понимание, зависящее от той или иной ситуации актуализации/использования объекта, что сопровождается передачей возможного способа расшифровки, декодирования текста. Угадывание смысла, интуитивный поиск способа расшифровки, реконструкция неявной когниции говорящего указывают на то, что понимание, во-первых, характеризует коммуникативные интенции, и, во-вторых, не может быть полным, а лишь относительным. Мы можем только с известной долей уверенности предполагать, что говорящий знает о том, о чем говорит. В этой связи Р.Мочник использует термин *the subject supposed to believe* [Мосник, 1997; Мочник, 2001; Мосник, 1996, 155-197] (субъект, который должен верить), обоснованность чего описывается следующим образом: „Интерпретатор попадает в замкнутый круг: ключ к значению высказывания — это определение меж-

личностной структуры, и эта структура определяется значением высказывания. Ситуация была бы безнадежной, если бы и интерпретатор, и говорящий не были пойманы в одну ловушку, и если бы они не *знали* об этом: они вовлечены в коммуникативную солидарность, и эта солидарность представляет собой *солидарность верований* (...) Минимальные верования и говорящего, и интерпретатора могут быть рассмотрены как те, что поддерживаются общими отношениями, — *отношениями идентификации с субъектом, который должен верить*” [Моспик, 1997, 141].

Особенностью же идеологического высказывания является то, что содержится в следующей части нашей первой цитаты Р.Мочника: „speaker has offered it as such” („говорящий предлагает его (высказывание) таковым”). Речь идет об акцентировании внимания на некоторые свойства объекта, артикуляции некоторых его признаков. Причем подобное название, артикуляция фреймов предполагает „вызывание их к жизни”, указание на то, во что именно должен верить субъект, что именно будет являться исходным допущением взаимопонимания и согласованности действий.

Именно постоянное выделение/артикуляция фрейма делает его типичным, а, следовательно, релевантным по отношению к остальным фреймам, определяющим отношения внутри категории и отношение к категории вообще.

Именно постоянное выделение/артикуляция фрейма как метод прототипизации вовлекает интерпретатора в некоторое поле с уже заданными предписаниями к тому, какую „интерпретаторскую” позицию необходимо занять, как именно нужно интерпретировать, „в каком направлении” необходимо понимать те или иные культурные объекты.

Именно постоянное выделение/артикуляция фрейма трансформирует безграничное поле *интерпретаций* в ограниченное поле *оценок*. задает определенный *смысл* не только всему объекту, но и всем когнициям, посредством которых он представлен.

Если идеологический дискурс апеллирует к культурным ценностям, то она неизбежно сталкивается с необходимостью воссоздания некоторых категориальных границ. Это могут быть границы действия культурных ценностей, границы рационального, границы полезного, границы естественного и само собой разумеющегося — одним словом, границы культуры.

Обращение к границам культуры предполагает включение еще одного механизма идеологизации общественного сознания — механизм *категоризации*. Помимо того, что идеология „способна” нейтральную категорию сделать оцениваемой путем „отипичивания” ряда представителей этой категории, она может также создавать такие категории из априорно разнородных объектов (И вновь нам представляется необходимым указать на работу А.Франка, посвященную анализу оппозиции „Запад — Восток” [Frank, 2001]). Наиболее эффективным способом такой категоризации, предполагающей также и последующее формирование определенной оценки к той или

иной группе объектов, является организация *идеологического дискурса*.

Рассмотрим действие этого механизма на примере дискурсивных операций с ценностно-нейтральным высказыванием „Бахтин — ученый, изучавший работы Достоевского и Рабле”.

Во-первых, подобное высказывание определяется как *условно* ценностно-нейтральное, поскольку каждое из составляющих его слов может иметь определенную конотативную окраску, что будет указывать на обозначение высказывания как нейтрального только в условиях определенного контекста — в первую очередь культуры. Конотация подразумевает знание индивида о Бахтине как об ученом *определенного рода*, которого можно *характеризовать* тем или иным образом, и, соответственно, нейтральное описание функций которого покажется очевидно недостаточным в силу отсутствия репрезентированных эпистем (под эпистемой контекстуально следует понимать „проблемное поле достигнутого к данному времени уровня культурного знания” [Ильин, 2001, 344], совокупность заведомо ценностных суждений на определенные исследовательски важные темы). Так, в среде „бахтинологов”, это высказывание никоим образом не приобретет нейтральную, а-конотативную окраску и будет требовать дополнительных операций по дополнительной характеристике Бахтина, т.е. по дополнительной эмоционально-оценочной детализации фрейма.

Во-вторых, *условность* безоценочного отношения к этой фразе подчеркивается тем, что каждый из названных в высказывании объектов занимает или может занять определенное „место” в системе наших когний. Актуализированные при восприятии высказывания когниции могут „задеть” тот или иной *topos*: мы не знакомы с работами Рабле, но хорошо знакомы с творчеством Достоевского и воспринимаем его как трагическое, следовательно, творчество Рабле будет категоризировано нами как скорее всего тоже трагическое (поскольку есть связующее звено между знакомым нам Достоевским и незнакомым Рабле — Бахтин).

Таким образом, неустойчивая нейтральность в ценностном отношении высказывания стремится к большей неустойчивости и может привести к формированию определенной оценки относительно всего высказывания в целом и отдельных его элементов в частности. Но даже если энтропия ценностной нейтральности не увеличивается, если не разрушается относительная безоценочность высказывания, то с помощью уже упомянутого нами механизма категоризации можно стимулировать эти процессы.

Так, трансформация высказывания „Бахтин — ученый, изучавший работы Достоевского и Рабле” в „Бахтин — *величайший* учёный, изучавший работы Достоевского и Рабле” даст эффект категоризации изначально условно нейтрального объекта: мы знаем о категории «ученые», но понимаем, что они могут быть „хорошими” и „плохими”, и мы знаем о категории „*великие* ученые” и понимаем, что они могут быть только „хорошими”.

Такой же эффект могут дать и все иные трансформации высказывания при использовании эпитетов: „Бахтин — ученый, *плодотворно* изучавший работы всем Достоевского и Рабле”; „Бахтин — ученый, изучавший *гениальные* работы Достоевского и Рабле”; и т.д.

Процесс подобных трансформаций и, как его *результат*, совокупность возможных вариантов при условии *категоризации* артикулируемого объекта, формирования у адресата определенной *оценки* объекта, *мнения* об объекте, *интерпретации* объекта или *действий*, релевантных объекту, может быть определен как *дискурс*. Апелляция дискурса к *прогнозируемой* оценке, *мнению*, *смысловым трансформациям*, *действиям* указывает на диалогичность дискурса и предполагает его ориентированность на адресата.

Постоянно расширяющаяся совокупность текстов на определенную тему („Бахтин”) — генеративность дискурса — предполагает, что каждый из текстов не является самодостаточным, законченным или конечным. Текст в дискурсе должен порождать другой текст („Бахтин — ученый, изучавший...” — „Наиболее важной работой Бахтина можно считать...” — „Точка зрения Бахтина на проблему диалогичности дискурса не совпадает с точкой зрения Бубера” — „Точка зрения Бахтина совпадает с точкой зрения Бубера” — и т.д.).

Таким образом, природа дискурса заключается именно в его „недоказанности”, провокативном характере, генеративных функциях, диалогичности, что не соотносится с функциями идеологического дискурса.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. — Тамбов, 2001.
2. Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. — М.: Интрада, 2001.
3. Кашин В.В. Онтологические и гносеологические проблемы генезиса понимания. — Уфа, 2000.
4. Мочник Р. Субъект, который должен верить, или Нация как нулевой институт // Критика и семиотика. — №4-5. — 2001.
5. Frank A. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. — Berkeley: Univ. of Calif. Press, 2001.
6. Mocnik R. Subject supposed to believe and nation as a zero-institution // Along the margins of humanities. — Ljubljana: ISH, 1996.
7. Mocnik R. Ideology and fantasy // The Althusserian legacy. — Ljubljana, 1997.

Е.Н.КОТЛЯРОВА
г.Белгород

О МЕХАНИЗМЕ ЯЗЫКОВОЙ НЕОЛОГИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

Адъективная лексика традиционно привлекала внимание лингвистов, но обзор литературы по данному вопросу позволяет сделать вывод, что всестороннего рассмотрения „были удостоены” лишь качественные прилагательные (работы Е.М. Вольф, А.М. Шрамм, Г.М. Шипицыной). а